

ОТ ТЕОРИИ РАВНОВЕСИЯ — К НОВОЙ ТЕОРИИ ЭКСПЛУАТАЦИИ

М.Ю. МАЛКИНА

доктор экономических наук, профессор,
Национальный исследовательский университет —
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
e-mail: mmuri@yandex.ru

В статье исследуется феномен эксплуатации в современной рыночной экономике, проведен анализ различных методологических и теоретических подходов, выработаны положения, которые могут стать основой дальнейшего изучения этого феномена в рамках неoinституционального направления экономической мысли.

Ключевые слова: эксплуатация; марксистский, неоклассический и институциональный подходы к эксплуатации; распределение доходов; равновесие; эквивалентность; организационная рента; институт бонусов.

In the article the phenomenon of exploitation in modern market economy is examined, the analysis of different methodological and theoretical approaches is conducted, and it is worked out the propositions, that can become the basis of further investigation of this phenomenon in the network of neoinstitutional economics.

Keywords: exploitation; Marxist, neoclassical and institutional approaches to exploitation; distributions of incomes; equilibrium; organizational rent; institute of bonuses.

Коды классификатора JEL: D33, B51, B52.

Теория эксплуатации была и остается важной составляющей марксизма. Однако отказ от методологических принципов и теоретических концепций марксистского учения привел к исключению анализа феномена эксплуатации из современных экономических исследований. Можно встретить лишь редкие теоретические работы, где вообще встречается данный термин. Явление современной эксплуатации, в практическом плане признаваемое многими и осознаваемое на бытовом уровне, остается без должного теоретического осмысления. Данная работа представляет собой одно из первых исследований, позволяющих вернуться к анализу феномена эксплуатации с новых методологических позиций.

Отличительной чертой экономикса стало то, что из четырех сфер хозяйственной деятельности, к коим относятся «производство», «распределение», «обмен» и «потребление», по сути выпала сфера распределения. Вернее, она перестала быть самостоятельной областью исследования, ибо утверждается, что в идеальной рыночной системе, которую изучает «мейнстрим», любое распределение является разновидностью обмена. Услуги факторов производства обмениваются на факторные доходы. Налоги являются платой за производимые и предоставляемые государством общественные блага. Что касается распределения продукта в натуральном выражении, например, семян на продажу и семян для пополнения оборотного капитала в сельском хозяйстве, оно подчиняется принципам эффективного размещения товаров и ресурсов и никакой самостоятельной роли не играет.

Вместе с исчезновением из экономической теории тематики распределения доходов исчезла и проблема их эквивалентности. В такой системе экономических взглядов и представлений не осталось места для теории эксплуатации, то есть неэквивалентного распределения доходов, присвоения чужих результатов.

Один из сторонников неоклассической микроэкономики П. Самуэльсон связывал проблему вознаграждения факторов производства с соотношением их предельной производительности и редкости: чем меньше количество доступного фактора, тем выше его цена предложения, и наоборот [7, с. 6]. Редкость определяет положение (наклон, ценовую эластичность) рыночной кри-

вой предложения труда (капитала). Оказывая влияние на изменение альтернативной стоимости труда (и капитала), она влияет на издержки удержания труда (или, соответственно, капитала). Предельная производительность труда, определяющая верхнюю границу цены труда, находится в прямой зависимости от капиталовооруженности труда. Логично предположить, что при этом «поднимается» и нижняя граница цены труда, определяемая условиями предложения труда: технологический прогресс сопровождается ростом квалификационных требований, что приводит к увеличению издержек воспроизводства рабочей силы. Итак, цены предложения труда и капитала по сути становятся ценами воспроизводства этих факторов. Если доходность фактора оказывается ниже данного уровня, он не будет предлагаться в необходимом количестве. Именно кривая предложения производственных факторов предполагает определенную смычку неоклассической теории с марксизмом в вопросе об эксплуатации.

В современной неоклассике распределение чистого дохода на факторные доходы связывается со степенью монопольной власти на рынке поставщиков отдельных ресурсов или благ. Монопольное положение само по себе является источником сверхдохода, который может выступать в качестве объекта дележа и в современной рыночной экономике приобретает форму экономической прибыли. Последняя формируется за счет экономических рент, получаемых от использования разных производственных факторов.

Так, в учебнике «Микроэкономика» [4, с. 364-365] рассматривается «монополистическая эксплуатация» в представлении Дж. Робинсон. Если фирма приобретает фактор «труд» на конкурентном рынке труда, а продукцию продает на монополизированном рынке, то оптимальный объем нанимаемого труда определяется равенством установившейся на конкурентном рынке труда ставки заработной платы (w) и предельного дохода фактора «труд» ($MRP_L - MR \times MP_L$). Последний оказывается ниже ценности предельной единицы труда ($VMP_L = P \times MP_L$), потому что, продавая дополнительный продукт на монополизированном рынке, фирма движется по кривой спроса с отрицательным наклоном вниз и вынуждена снижать цену на все единицы продукции ($MR < P$). В таком подходе уровень эксплуатации количественно представлен как разница между ставкой заработной платы, устанавливаемой при нахождении фирмы на конкурентном рынке товаров и услуг, и ставкой заработной платы при ее присутствии на монополизированном рынке. Двойная эксплуатация на рынке труда в указанном выше учебнике [4, с. 372] трактуется как результат сочетания монополии фирмы на товарном рынке и ее монополии на рынке труда.

Уязвимость данной концепции очевидна. Реальная действительность свидетельствует об обратном: ставка заработной платы у конкурентных фирм оказывается ниже, чем ставка заработной платы у фирм, обладающих монопольной властью на товарном рынке. Объясняется это более высоким уровнем цен на монополизированном рынке, чем на конкурентном рынке. Доходность товарного рынка сообщается рынку труда в виде доходности фактора «труд». Также следует учитывать, что сочетание «совершенно конкурентный рынок труда» и «монопольный рынок товаров и услуг» в чистом виде вряд ли существует. Более вероятным является отнесение рынка труда к типу рыночной структуры «монополистическая конкуренция». В таком случае работодатель может поделить часть ренты труда для приобретения работников с более высокой альтернативной стоимостью и, как правило, более высокой производительностью, что исследуется в теории эффективной ставки заработной платы Дж. Шапиро – Дж. Стиглица. К похожему результату приводит теория агентских отношений. Однако обе теории утверждают по сути одно и то же: предприниматель практикует добросовестное поведение по отношению к работникам, потому что ему это выгодно, приводит к максимизации его прибыли. Получается такая изощренная, осовремененная «система выжимания пота».

Способом перераспределения экономических рент в пользу предпринимателя в неоклассической микроэкономике рассматривается также ценовая дискриминация поставщиков факторов производства. В то же время наличие монопольной власти у продавцов факторов производства позволяет им, кроме возмещения издержек воспроизводства, также поучаствовать в перераспределении общей ренты. В случае с фактором «труд» это означает увеличение ренты труда за счет уменьшения ренты работодателя. Ключевую особенность неоклассического подхода к проблеме формирования факторных доходов удачно выразил в одной из своих работ Х. Джонсон: «теория предельной производительности переводит распределение доходов из проблемы межклассового распределения в общую теорию формирования цен»¹.

Главный недостаток неоклассического подхода в том, что монополия, в которой в принципе оказывается возможной эксплуатация, рассматривается как разновидность равновесного состоя-

¹ Johnson H. (1973). The Theory of Income Distribution. P. 3. Цит. по: [5, с. 168].

ния, значит, удовлетворяющего все стороны обмена. Правда, возникают чистые потери благосостояния, но это уже проблема общественной эффективности данной структуры. Отсюда может быть сделан поспешный вывод, что данное равновесное состояние обеспечивает и эквивалентность, и рыночную справедливость.

Исследования неоклассического характера, касающиеся распределения доходов, в конечном счете, обращают нас к вопросу о происхождении прибыли. Считается, что капиталист (точнее, предприниматель) находит наиболее эффективные комбинации использования всех факторов и присваивает их суммарную ренту. Он реализует свою целевую функцию максимизации прибыли при ограничениях, задаваемых другими факторами. Компенсируя им их альтернативную стоимость (цену воспроизводства), предприниматель присваивает остаточный доход в форме прибыли.

Однако остается открытым вопрос: прибыль, определяемая как суммарная рента организатора производства, есть вознаграждение за талант, трудовые усилия, риск предпринимателя или же является результатом эксплуатации им других факторов производства? Пока мы не можем определить предельный продукт предпринимательского труда или предельную ставку вознаграждения за единицу риска (с последним еще возникает проблема измерения), говорить о соответствии прибыли вкладу предпринимателя не приходится. Предположим, предприниматель присваивает больше, чем «заслуживает». В таком случае встает вопрос: а кто тогда заслуживает присвоения оставшейся части ренты? Какую часть ренты «заслуживают» факторы производства, с использованием (эксплуатацией в позитивном, а не негативном смысле слова) которых она связана? Для этого нужен принцип эквивалентности, который в неоклассике отсутствует.

Глубинной причиной отсутствия *принципа эквивалентности* является разнокачественность факторов производства, делающая их несопоставимыми. Попытка найти принцип эквивалентности автоматически отсылает исследователя к нахождению *принципа соизмеримости качественно разнородных факторов*. Заметим, первым проблему соизмеримости разных оснований стоимости в экономической науке поднял У. Петти, у которого, как известно, было два основания стоимости – труд и земля («труд есть отец и активный принцип богатства, а земля его мать»), и он же предложил не вполне удачный способ сведения одного основания к другому.

С похожей проблемой в свое время столкнулся неорикардиец, представитель посткейнсианского направления экономической мысли П. Сраффа. Исследуя вклад капитала в совокупный продукт, он обнаружил, что капитал сам по себе неоднороден, включает элементы основного и оборотного капитала, агрегирование которых с целью создания единого фактора производства возможно только на основе их цен. Таким образом, производительность капитала становится зависимой от его цены (то есть ставки процента). В связи с этим возникают так называемые «ценовые эффекты» К. Викселя и обнаруженные позднее проблемы «обратного переключения» и «реверсирования» капитала [7, с. 7].

Кроме того, П. Сраффа указывал, что капитал участвует в создании не одного, а многих продуктов, что также затрудняет анализ. Таким образом, цена капитала, то есть процент, становится величиной в значительной степени неопределенной и зависящей от цен создаваемых благ. В ответ на возникшие трудности сторонники П. Сраффы стали призывать отказаться от теории предельной производительности и вернуться к трудовой теории стоимости, то есть единственному основанию стоимости. Иными словами, трудность соизмерения качественно разнородных факторов побудила исследователей отказаться от самой проблемы путем уничтожения ее источника – разных оснований стоимости.

В то же время сторонники аналитического марксизма Я. Сидман и Дж. Рёмер указали на одно важное противоречие марксистской теории эксплуатации: норма эксплуатации не может быть вычислена без предшествующего расчета цен [8, с. 133]. Так, стоимость рабочей силы может быть определена только после того, как известны цены средств существования рабочего и членов его семьи, а также благ для социального воспроизводства рабочей силы. Дж. Рёмер же обратил внимание и на то обстоятельство, что заработная плата как превращенная стоимость рабочей силы, вопреки утверждению Маркса, не определяется стоимостью средств существования рабочего и его семьи, а зависит от его успехов в классовой борьбе [8, с. 138]. В своей книге «Общая теория эксплуатации и классов» (1982) Дж. Рёмер применил методологию социологии рационального выбора и теории игр для объяснения эксплуатации на рынке труда. В этой же работе он пришел к выводу, что эксплуатация возникает не столько в сфере производства, сколько в сфере обмена, сделав шаг в сторону неоклассической теории.

Таким образом, представители аналитического марксизма в исследовании феномена современной эксплуатации обнаружили важную проблему. Перевод теории стоимости на язык теории цен

открывает возможности «двойной эксплуатации»: как за счет непропорциональной оплаты факторов (неэквивалентного распределения доходов), так и за счет изменения относительных цен потребительских товаров и услуг (что предполагает присвоение доходов тех же домохозяйств). Последнее также означает, что работники одних отраслей (например, естественных монополий, скажем, ОАО «Газпром») или сфер деятельности (государственного аппарата управления) могут перераспределять доходы в свою пользу, присваивать результаты чужих усилий через сложный ценовой механизм. Более того, в международном масштабе такое перераспределение возможно через механизм образования валютного курса. Те страны, у которых курс национальной валюты завышен относительно ее паритета покупательной способности, могут присваивать факторные доходы, созданные в других странах. Подобные явления анализируются, например, в мир-системном анализе Э. Валлерстайна.

Институциональное направление экономической мысли внесло свой вклад в вопрос о распределении доходов. Так, еще Т. Веблен, критикуя теорию производительности Кларка, связывал происхождение прибыли с общественной властью капиталистов, позволяющих им присваивать результаты технологического прогресса, принадлежащие всему обществу [7, с. 18]. В одной из современных статей, написанных в русле данного направления, исследуются особые институциональные условия присвоения рента, из которых формируется сверхприбыль в современных российской и украинской экономиках. В. Вишнеvский и В. Деметьев пишут: «...преобладающий ныне путь – *рентная максимизация экономической прибыли*. Суть его состоит в том, что источником прибыли становятся занижение (по сравнению с рынком свободной конкуренции) цен на единицу используемых ресурсов, завышение цен на конечную продукцию, отказ нести полное бремя социальных издержек (занижение налоговых и прочих выплат из прибыли) или отказ делиться с другими претендентами на полученную прибыль. В этом случае собственник присваивает ренту, то есть доход, который превышает вклад собственника и принадлежащих ему факторов производства в создание общественного продукта» [3, с. 41]. В этой же статье неоднократно встречается термин «эксплуатация».

Исчезновение термина «эксплуатация» из современного экономикса можно объяснить этическим и идеологическим наполнением этого слова. Экономикс основывается на беспристрастном подходе, этическая экономика находится за пределами его сферы исследования. Об идеологической составляющей учения также принято умалчивать. Корректировка неоклассики в вопросе эквивалентного распределения доходов возможна посредством дополнения подхода с точки зрения эффективности (понимаемой как достижение прежде всего целевой функции предпринимателя) подходом с точки зрения справедливости, речь, разумеется, идет не о либертарианском понимании справедливости.

Один из представителей современной этической экономики Р.Т. Де Джордж пишет: «Система, допускающая «все, что фиксирует рынок», неприемлема с нравственной точки зрения. Чисто рыночный подход к рабочей силе – и к заработной плате как ее цене – не годится... Теория должна предусмотреть ограничение рыночных сил посредством установления таких социальных институтов, которые были бы приемлемы для разумных участников системы, вооруженных надлежащими знаниями» [6, с. 616]. И далее он пишет, что проблема справедливой заработной платы в США так остро не стоит, как в развивающихся странах, именно потому, что исторически там были выработаны и действуют социальные институты, ограничивающие эксплуатацию труда. «Законы о минимуме заработной платы установили для нее низший предел, а страхование по безработице и ряд социальных программ создали альтернативу работе за голодную заработную плату. Такое законодательство помогает не допустить возникновения на рынке атмосферы отчаяния. Профсоюзы помогли отрегулировать процесс переговоров о заработной плате, уравнив силы обеих сторон в этом процессе. Принятие эффективного закона о полной занятости или юридическое признание права на работу по найму при адекватной заработной плате привели бы еще к большему равновесию всех сторон в процессе переговоров» [6, с. 617].

Нужно принимать во внимание, что марксистская теория стоимости создавалась в то время, когда носители фактора «капитал» и «труд» были четко отделены друг от друга, а их отношения были явными. Со времени К. Маркса характер капитала как фактора производства сильно изменился. Одним из важных поставщиков фактора «капитал» в настоящее время являются домохозяйства, они превращают часть своего трудового дохода в сбережения в различных формах, многие из которых предполагают их дальнейшую трансформацию в инвестиции. Разумеется, домохозяйствам достается лишь часть факторного дохода капитала (процента), другую часть этого дохода присваивает финансовый посредник. И в этом распределении также возможна неэквивалентность, то есть несоответствие индивидуальных доходов реальному участию в создании новой стоимости.

Между тем, сама *возможность превращения доходов трудового характера в капитал*, а также вероятность его обратной трансформации через ряд периодов в потребление домохозяйств, существенно нивелирует ту эксплуататорскую природу, которую приписывал капиталу К. Маркс. В связи с этим возникает также проблема общественной цены капитала, или общественной нормы дисконтирования. Заметим, производительность капитала П. Самуэльсон отождествлял с производительностью времени [7, с. 7]. Если «капитал» как самовоспроизводящуюся стоимость рассматривать в рамках теории временной ценности денег, ничего эксплуататорского в его понимании уже не остается.

Другим ограничением на использование теории эксплуатации в терминах «капитал эксплуатирует труд» является то, что *в современных условиях большая часть доходов от личного участия в производстве формально принимает вид заработной платы*. В акционерных обществах вознаграждения долевых собственников могут быть несоизмеримо малы относительно вознаграждений топ-менеджмента. Встает вопрос: верно ли доходы управленцев относить к разряду вознаграждений чисто трудового происхождения только на том основании, что они принимают форму заработной платы, а доходы собственников акций – к разряду доходов нетрудового происхождения только потому, что они выплачиваются в форме процента (дивиденда)?

Для разрешения данной коллизии следует вспомнить о разграничении понятий «капитал-собственность» и «капитал-функция». Первое связано с собственно понятием капитала, который приносит процент. Капитал-собственность в его денежном выражении и даже в реальном (когда речь идет об акционерных отношениях) уже не является привилегией исключительно класса капиталистов. И он уже не является редким благом, как прежде. В современной рыночной экономике денежный капитал-собственность получает свою альтернативную стоимость, то есть оплачивается по той же самой схеме, что и труд. В этом смысле можно говорить не только об эксплуатации труда, но и об эксплуатации капитала-собственности, имеющего трудовое происхождение.

Капитал-функция, в отличие от капитала-собственности, связан с фактором «предпринимательская способность». Функциональность капитала означает, что в сочетании с другими факторами (трудом, в том числе управленческим) капитал приносит доход выше его альтернативной стоимости. Этот сверхдоход собственно присваивается организатором производства и приобретает характер *организационной ренты*. В таком случае *не собственность на капитал, а собственность на объединенные крупным капиталом активы позволяет присваивать часть ренты, созданной и трудом, и привлеченным в производство денежным капиталом*. На то, что эксплуатация является производной от собственности именно на активы, обращали внимание и Дж. Робинсон [7, с. 15], и Дж. Рёмер [8, с. 138].

Кроме того, управленцы являются носителями специфической информации об особенностях работы предприятия, поэтому они могут присоединять к своему доходу и информационную ренту. Также они, весьма вероятно, *присваивают ренты, получаемые от использования тех видов капитала, права собственности на которые не установлены или недоопределены*, а именно: части нематериального капитала (торговых марок, незарегистрированных авторских прав, ноу-хау), социального капитала (внешних связей), политического капитала (связей с носителями власти) фирмы и пр.

Для присвоения и удержания организационной ренты предпринимательским фактором создаются специальные институты:

1) *институт инсайдерской оценки управленческого труда*. Поскольку для проникновения на рынок предпринимательского труда устанавливаются собственные барьеры доступа (как формальные, так и неформальные), фактически цена управленческого труда определяется не на внешнем, а на внутреннем рынке труда;

2) *институт вознаграждения за специфические функции* в области организации производства (связанные с принятием стратегических решений, касающихся развития бизнеса, в области договорных отношений, слияний, поглощений, преобразования активов и пр.);

3) *институт бонусов* – институт присвоения переменной прибыли как вознаграждения за особые успехи в управлении и качество менеджмента. Однако заметим: современная бонусная система предусматривает также выполнение бонусами функции «золотых парашютов» для менеджеров в случае кризиса.

В современных условиях эксплуатация становится весьма запутанным и сложным явлением. Некоторые ученые обнаружили, что эксплуатация интегрирована в социальную структуру общества. В работе Э.О. Райта, посвященной современному аналитическому марксизму, можно встретить весьма ценные рассуждения по этому поводу: «В капиталистических обществах присутству-

ют разнообразные формы эксплуатации, а не только капиталистическая эксплуатация в тесном смысле слова. Например, следуя за Рёмером, я утверждал, что контроль над определенными типами навыков может создать механизм эксплуатации. Тогда средний класс определяется как такие классовые позиции, которые подвергаются капиталистической эксплуатации, но сами, в свою очередь, являются эксплуататорами в рамках некоего подчиненного, вторичного эксплуатационного механизма» [10, с. 128]. Все это также свидетельствует о необходимости критерия эквивалентности в распределении таких доходов, которые формально относятся к разряду «заработной платы» (то есть вознаграждения за труд).

Еще одной важной проблемой современной экономики, определяющей особенности эксплуатации в настоящее время, является *отделение финансовой сферы от реальной экономики*, превращение финансовой системы в «вещь в себе». Различного рода финансовые пузыри формируют сверхдоходность некоторых сегментов финансового рынка (в частности, фондового рынка). Эта сверхдоходность является вознаграждением не за услуги капитала, а за риск. Поскольку количество реального продукта при этом не изменяется, механизм чрезмерной капитализации в долгосрочной перспективе также играет перераспределительную роль в экономике.

Из всего этого ясно одно: должен быть определенный критерий определения вклада фактора «труд» в создаваемую новую стоимость. Современные исследователи проблем эксплуатации, каковых чрезвычайно мало, пытаются либо нащупать критерий соразмерности дохода вкладу, либо объяснить отклонение от состояния эквивалентности.

Так, Р. Басария связывает эксплуатацию в современных экономических системах с *разной степенью мотивации труда* у рабочего и капиталиста: «Весьма важным (а может быть, решающим) является то обстоятельство, что рабочий не может отложить удовлетворение своих потребностей. К этому надо добавить и то, что оценка того или иного блага (стоимости) зависит от того, насколько собственник дорожит этим благом... Мотивация продажи труда сильнее стремления собственника увеличить имеющуюся ценность (стимул предпринимательства). Кроме этого, если рабочий не согласится принять сложившиеся рыночные условия, он вообще может остаться без работы; риск же не использовать капитал угрожает его собственнику в меньшей степени, поскольку, в отличие от труда, объем капитала почти всегда ограничен, практически постоянно существует определенный дефицит капитала» [2, с. 197]. Другим условием эксплуатации автор называет *настоятельность вступления в сделку*: «Существенно и то, что собственник капитала и наемный работник имеют неодинаковые возможности воздерживаться от сделки, чтобы добиться (дождаться) лучших условий. Не имея необходимых средств к существованию, работник вынужден соглашаться на худшие условия, чем те, которые могут быть теоретически признаны справедливыми (т. е. при распределении в соответствии с производительностью факторов производства)» [2, с. 198]. Используя неоклассический инструментальный теории потребительского выбора (рассуждая в рамках модели И. Фишера), данное положение можно интерпретировать как существование *более высокой нормы временного предпочтения текущего потребления* у рабочего, чем у капиталиста-предпринимателя.

В некоторых исследованиях изучается родственное эксплуатации понятие «социально-экономической зависимости» [1, с. 6], в том числе в контексте исторического развития ее институтов [12].

Существуют исследования, в которых сравниваются особенности и степень эксплуатации труда в административно-командной экономике (где в качестве коллективного эксплуататора выступает государственно-партийный аппарат) и в рыночной экономике (где в качестве эксплуататора выступает организованный капитал) [11]. На наш взгляд, в условиях сформировавшейся системы хозяйствования в российской экономике имеет место двойная эксплуатация труда: как со стороны государственно-чиновничьего аппарата, так и со стороны собственников активов организаторов производства, апогеем этого является их сращивание и формирование «государственного олигархизма» [9, с. 29]. В то же время следует учитывать разную производительность труда в двух системах. Ввиду гораздо более действенных стимулов к принятию эффективных решений и гораздо более высокой капиталовооруженности труда (вероятно в силу меньшего дефицита капитала из-за его большей доходности), производительность труда в условиях рыночной системы хозяйствования существенно выше, чем в административно-командной системе. Это позволяет рыночной системе балансировать между более высокой степенью эксплуатации и формированием социально-ориентированной экономики.

Подводя итог сказанному, выделим следующие положения, которые, на наш взгляд, вполне могут лечь в основу дальнейших исследований в области современной теории эксплуатации:

1. Эксплуатация связана с неэквивалентностью в распределении доходов. Эквивалентность же предполагает формулирование принципа пропорциональности и порождает проблему соизмеримости качественно разнородных усилий. Эквивалентность в нашем понимании также означает, что нужно отказаться от формулирования эффективности как степени достижения целевой функции одного фактора при ограничениях, задаваемых другими факторами. И дополнить принцип эффективности принципом справедливости, трактуемым как достижение паритета целевых функций различных факторов при учете всех ограничений (в том числе условий воспроизводства предпринимательского ресурса).

2. Неэквивалентность проявляется через ценовой механизм и возможна в следующих плоскостях: а) распределении факторных доходов; б) распределении доходов одного и того же фактора между профессиями (сферами деятельности); в) распределении доходов между отраслями; г) распределении доходов между частным и общественным секторами экономики. Неэквивалентность здесь может существовать в разных формах, в том числе в виде несоразмерности получаемых общественных благ уплачиваемым налогам (нарушение эквивалентности в налогообложении).

3. В мировом масштабе неэквивалентность может быть реализована через механизм неравномерного распределения активов и факторов производства (собственность на активы в слаборазвитых странах может принадлежать более развитым странам, в то время как последние могут привлекать дешевый труд мигрантов из слаборазвитых стран для работы на своих предприятиях), а также через ценовой и валютный механизмы, которые играют дополняющую роль. В таком случае можно говорить о том, что Центр эксплуатирует Периферию посредством неэквивалентного международного обмена.

4. Современная эксплуатация носит во многом институциональный характер. Создаются особые институты перераспределения общей ренты всех факторов в пользу «капитала-функции», то есть капитала, объединенного с фактором предпринимательская способность, — вернее, с ее высшим (стратегическим) уровнем. При этом присваиваемая часть дохода может приобретать форму заработной платы (или управленческого бонуса), а по сути представляет из себя организационную ренту — обобщенную ренту от соединения и функционирования всех остальных факторов.

5. Особый интерес приобретает присвоение также той части доходов, которую нельзя четко связать ни с одним фактором, на который установлены права собственности. Речь идет, например, об используемых в производстве достижениях прошлых поколений, являющихся накопленными результатами научно-технического прогресса. Эта часть дохода приобретает характер вмененной научно-технической ренты, для конкретного бизнеса она играет роль положительной экстерналии, которая в доинституциональном и доорганизационном состоянии как бы является «общественным достоянием». Нечеткость или отсутствие прав на эти активы обусловлены особенностями их функционирования (длительностью). В современной рыночной экономике организаторы производства заполняют царящий здесь институциональный вакуум специально создаваемыми институтами присвоения общественного дохода (в том числе торговыми марками и неразделенными авторскими правами). В этом смысле имеет место эксплуатация всего общества, о чем писал Т. Веблен.

В данной статье мы не ставили целью создание новой законченной теории эксплуатации, удовлетворяющей всем критериям научности. Это очень сложная задача, которая под силу только коллективному разуму. Мы лишь очертили важные вопросы, которые возникают при исследовании феномена эксплуатации, высказали свои соображения по поводу особенностей проявления эксплуатации в современных рыночных условиях и возможностей их анализа с применением адекватных методов исследования. На наш взгляд, новая теория эксплуатации (альтернативная марксистской теории, основанной на чисто трудовом прохождении стоимости, хотя некоторые методологические инструменты марксистского учения вполне могут пригодиться) должна занять достойное место в современной экономической науке, вписаться в такие ее разделы, как «эквивалентность в распределении доходов», «эффективность и справедливость». Наиболее перспективным в плане позитивного анализа феномена эксплуатации, на наш взгляд, является неинституциональный подход.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балабанова Е.С. Социально-экономическая зависимость: теория, история и современность. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2004.
2. Басария Р. К вопросу об эксплуатации труда в рыночной экономике // Общество и экономика. 2000. № 7. С. 196–200.
3. Вишневецкий В., Дементьев В. Инновации, институты и эволюция // Вопросы экономики. 2010. № 9. С. 41–62.

4. *Гальперин В.М., Игнатьев С.М., Моргунов В.И.* Микроэкономика: В 2-х т. / Общая редакция В.М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа. 1998. Т. 2. 503 с.
5. *Делепляс Г.* Лекции по истории экономической мысли. Новосибирск: TEMPUS (TASIS), 2000 // <http://malchish.org/lib/economics/deleplace.pdf>.
6. *Джордж Р.Т. Де.* Деловая этика / Пер. с англ. Р.И. Столпера. СПб: Экономическая школа; М.: Издательская группа «Прогресс», 2001. Т. 2. 560 с.
7. *Коэн А., Харкерт Дж.* Судьба дискуссии двух Кембриджей о теории капитала // Вопросы экономики. 2009. № 8. С. 4–27.
8. *Левина И.* Проблема трансформации: социально-исторический анализ подходов и решений (классические версии) // Вопросы экономики. 2008. № 9. С. 123–139.
9. *Малкина М.Ю.* Институциональный феномен государственных корпораций в российской экономике // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 3. С. 23–31.
10. *Райт Э.О.* Что такое аналитический марксизм? // Вопросы экономики. 2007. № 9. С. 12–138.
11. *Смирнов В.* Об уровне эксплуатации в различных экономических системах // Общество и экономика. 2003. № 3. С. 133–150.
12. *Темницкий А.Л.* Социальные и культурные проявления институтов неэкономической зависимости в сфере труда российских рабочих // Журнал институциональных исследований (Journal of Institutional Studies). 2010. Т. 2. № 1. С. 35–53.